

Традиции музыкального образования православной ориентации в контексте древнерусских психологических воззрений

В.В. Семикин

доктор психологических наук, профессор, декан психолого-педагогического факультета
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Г.А. Праслова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыкального воспитания и образования,
ведущий специалист учебно-методического управления Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена

В статье прослеживаются истоки психологических воззрений и показано, что они восходят к древнерусской православной традиции, в которой большое значение придавалось духовной ипостаси человека. Именно духовная красота — наивысшая. Богослужбное пение рассматривается как «божественное» по своему происхождению и внутреннему смыслу, как «движение души к хорошим поступкам». Участие в богослужбном песнопении требовало от человека пристального внимания к своему внутреннему миру. В статье обсуждается внутренняя взаимосвязь музыкального и духовного начал в музыкальном образовании при сохранении приоритета духовного начала.

Ключевые слова: древнерусская православная традиция, музыка, духовность, православная педагогика.

Исследование традиций древнерусского музыкального образования православной ориентации свидетельствует о том, что их становление было тесно связано с психологическими воззрениями Древней Руси. Эта взаимосвязь проявлялась в направленности древнерусских православных педагогических установок прежде всего на душу человека, на формирование у него способности постигать смысл и богатство духовного начала во всех жизненных проявлениях. Уже в XI—XII вв. на Руси были известны переводные и привозные (в основном из Болгарии) сочинения, в которых освещались вопросы, относящиеся к психической жизни человека. Те же вопросы входили органической частью в сочинения, создаваемые на основе переводной литературы в самой Руси. В их числе — произведения древнерусских проповедников XII в.: «Послание...» Климента Смолятича, «Притча о человеческой душе и о теле» Кирилла Туровского и др.

Первые опыты в создании отечественной литературы, затрагивающей вопросы психологии, связаны также с именем Нила Сорского (1433—1508) — крупного церковно-политического и литературного деятеля последней четверти XV и начала XVI в. В созданном им «Уставе скитской жизни» содержится целый психологический трактат о человеческих страстях, в котором прослеживаются генезис и динамика страсти, этапы, через которые проходит страсть

в своем развитии, дается классификация страстей с описанием отличительных признаков каждого основного вида страсти, указываются пути и способы борьбы со страстями.

Древнерусские психологические воззрения включали широкий спектр представлений об устройстве человеческого ума и его роли в психологической жизни человека, о происхождении и сущности души, устройстве органов чувств и особенностях зрительного восприятия, памяти человека, о возрастных и индивидуальных различиях в психике человека и т. д. Эти представления базировались на жизненных наблюдениях и фактах. Значительное влияние на них оказывали христианские антропологические установки того времени.

Христианская антропология рассматривала человека в его целостности: в единстве духа, души и тела. Телесная жизнь человека, согласно христианскому антропологическому учению, состояла в удовлетворении потребностей тела, которые проявлялись в двух основных инстинктах: самосохранения и продолжения рода. Душа рассматривалась как связующее звено между телом и духом. Анализ свойств души, осуществленный в древнерусской литературе, дает наиболее полное представление о психологических воззрениях Древней Руси. Так, в «Послании Никифора митрополита Киевского к великому князю Володимеру, сыну Всеволожу, сына Ярославля»,

относящемуся к XII в., говорится о трех частях души в христианской ее интерпретации: «словесной», «яростной» и «желанной»*.

Понятие «словесное» включало ум, разум, который рассматривался как высшее начало в человеке. Понятие «яростное» означало чувства, страсти, эмоции. «Желанное» представляло волю, стремления, целенаправленность действий. Таким образом, душевные явления делились на три разряда: мысли, чувства, желания.

Душа в христианской традиции рассматривалась как своеобразный связующий мост или посредник между телом и духом. В этой связи все педагогические усилия были направлены на работу над человеческой душой. Душа являлась не только объектом педагогического воздействия, но и его целью, ибо конечная цель воспитания и обучения заключалась в спасении души**.

Дух воспринимался в христианской антропологии в качестве судьи души и тела, рассматривался в качестве высшего начала в человеке. Согласно христианской антропологии дух проявлялся в трех видах: страх Божий (вера в истину бытия Божьего, страх за спасение своей бессмертной души, побуждающий к совершению благородных деяний и вызывающий раскаяние за неблагоприятные поступки), совесть (ключевое понятие в христианском воспитании, указывающее человеку — живет он в Боге или в безбожии), жажда Бога (понятие, раскрывающее стремление человека к высшему, идеальному, духовному).

Таким образом, в иерархическом взаимодействии трех уровней человека «духовное» рассматривалось как высшая ступень развития человеческой природы. Представления о трисоставном строении человека в христианском мировоззрении связывались с эстетическим понятием красоты. Низшая ступень красоты ассоциировалась с телесной красотой и понималась как красота чувственная. Душевная красота считалась переходной ступенью к высшей, духовной красоте. Высшая (духовная) красота воспринималась как божественная, небесная, «бездвещественная».

Представление о высшей (духовной) красоте как божественной, небесной сказалось в Древней Руси на понимании богослужебного **знаменного пения**, на освоение которого была ориентирована древнерусская музыкально-педагогическая мысль и музыкально-образовательная практика. Исследователи древнерусского певческого искусства (В. Металлов, Н. Успенский, И. Гарднер, Т. Владышевская, Л. Рапацкая и др.) объясняют происхождение термина «знаменное» от славянского слова «знамя» — знак. Это было связано с тем, что запись древнерусских песнопений осуществлялась безлинейной нотацией

и каждый знак обозначал один звук, ряд звуков, а иногда — целую мелодию.

В.И. Мартынов усматривает в термине «знаменное» более глубокий смысл, чем тот, который вкладывают в него представители вышеупомянутой точки зрения. По его мнению, знаменная нотация имеет двойное значение: это и отражение в знаке слышимого уровня организации звукового материала и «воплощение неслышимого уровня организации сознания» поющего человека. На наш взгляд, эта точка зрения на понимание термина «знаменное» наиболее полно соответствует его целевому и смысловому значению. Подтверждение данного положения мы находим в учебных пособиях более позднего времени — певческих азбуках XVI—XVII вв.

Богослужебное пение православная педагогика рассматривала как «божественное» по своему происхождению и внутреннему смыслу, как «движение души к хорошим поступкам», благодаря чему происходило морально-нравственное очищение человека и достигалась цель богослужебного пения — восхождение к Богу в молитве. Каждый вид существующих песнопений предполагал определенное духовное состояние человека в процессе пения. Это были состояния благостности, возвышенного строя чувств, особой просветленности. Их формированию способствовали выразительные средства древнерусских песнопений: постепенность, плавность, статичность движения, равновесие подъемов и спадов. Эти выразительные средства создавали ощущение бесплотного волнообразного движения, лишенного внутреннего напряжения, настроение глубокого покоя и внутренней тишины. Назначение божественных песнопений видели в том, чтобы привести душу человека к гармонии, к согласованию с Божеством. Именно в богослужебном пении отразились особенности древнерусской философской мысли, для которой было характерно «большее внимание к внутреннему миру человека, нежели к внешнему миру, тяга к проблемам духовного, нежели физического бытия»***.

В процессе обучения певчих «распеванию» текста песнопений в соответствии с закономерностями знаменной системы пения внимание акцентировалось на взаимодействии духовного и музыкального начал с приоритетом первого. На эту особенность древнерусской музыкальной педагогики обращают внимание ряд исследователей****. В процессе обучения богослужебному пению в Древней Руси сложился религиознопевческий эталон, включавший показатели качества певческого звучания, тесно связанные с христианскими психологическими воззрениями. Для них были характерны: «во-первых, особая православно ориентированная духовная устремленность», во-вторых, «особая образно-эмоциональная

* Цит. по: Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X—XVII веков. М., 1990. С. 84.

** Кошелева О.Е. «Душевное строение» в Древней Руси // Свободное воспитание. Вып. 1. М., 1992. С. 57.

*** Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X—XVII веков. М., 1990. С. 263.

**** Николаева Е.В. Особенности становления музыкального образования в Древней Руси с XI до середины XVII столетия. — Исследование. М., 1998; Николаев Б. Толковая грамматика знаменного пения. Псков. 1995 и др.

«просветленность»», в-третьих, «особое качество хорового звучания церковного хора как звучания соборного»*.

Призыв петь сознательно, «разумно» встречается в ряде произведений церковно-учительной литературы этого периода. Однако требование осознанного отношения к исполнению знаменных песнопений не столько основывалось на рациональном начале в соответствии с исполнительским аспектом данного процесса, сколько отражало психологические установки русского православного мировоззрения. Овладение процессом пения в данном контексте включало в себя не только исполнительские навыки (владение голосом, динамическими, тембровыми градациями и т. д.), но и передачу эмоционального содержания знамен в процессе пения. Сам характер знаменной нотации требовал наполнения сознания поющего человека особым молитвенным состоянием. Исследования отечественных медиевистов свидетельствуют о том, что многие знамена фиксировали не только какие-либо музыкальные параметры, но и настраивали певца на то состояние, которое отвечало духовной сути богослужебного пения в целом и исполняемого песнопения в частности. Таким образом, освоение знаменной системы нотации обязательно предполагало постижение певцами прежде всего духовно-смыслового содержания знамен. Исследования В.И. Мартынова, Т.Ф. Владышевской, Б. Николаева показывают, что символическое толкование знамен могло иметь различное психолого-педагогическое назначение. Одни знаки настраивали поющих на соответствующее молитвенное состояние души в процессе пения, другие помогали певцу раскрыть для себя то духовное начало, которое воплощало то или иное песнопение.

Знание символической трактовки знамен требовало от человека пристального внимания к собственному внутреннему миру, своим эмоциональным состояниям во время пения. Отражение характеристик морально-нравственных установок, содержащихся в певческих азбуках, можно найти в таких популярных в России в XV–XVI вв. духовных сборниках, как «Маргарит», «Измарагд» и др. В.И. Мартынов отмечает значительное текстовое и смысловое единство певческих азбук и «Устава скитской жизни» Нила Сорского, учение которого, по мнению исследователя, оказало определенное влияние на становление знаменного распева. Все вышеупомянутые тексты, как и тексты певческих азбук, являются своеобразными предписаниями тех конкретных действий и психологических состояний, с помощью которых человек достигает состояния внутренней молитвы. Отличие текстов певческих азбук от текстов произведений психологической и учительной литературы заключалось в том, что из-

ложение действий и психологических состояний в певческих азбуках давалось не в виде связного повествования, а как перечень тезисов, определенных предписаний, которые связывались с определенным певческим знаком. Важнейшими критериями религиозно-певческого эталона выступали образно-эмоциональная настроенность певцов на морально-нравственные основы, внимание к своему внутреннему миру и состоянию души в процессе пения, ориентация на духовное начало. Сфера эмоциональных проявлений певцов во время богослужебного пения ограничивалась теми душевными состояниями, которые соответствовали молитве. Это был сознательный отказ от резких динамических и темповых контрастов, ярких, открытых эмоций. Исследователь истории богослужебного пения В.И. Мартынов обращает внимание на то, что «<...> мелодический материал, организованный на основе принципа распева, задавал единый священный ритм молитвенного дыхания, то есть создавал непосредственное условие молитвы»**.

Не менее важным критерием церковно-певческого эталона была соборность, проявляющаяся в духовном единении певцов на основе общих помыслов, побуждающая осознавать на эмпатийном уровне чувства другого человека. Все это создавало условия для интуитивного овладения техническими певческими задачами в процессе непосредственной певческой практики при ведущем значении единого духовного настроения певцов на определенное качество хорового звучания. В подтверждение данной точки зрения Н.А. Герасимова-Персидская отмечает, что в «средневековые индивид всегда принадлежит определенной общности, в этом обретая устойчивость и уверенность; и, наоборот, — вне причастности к социальной группе человек как бы лишается своего «я»***. Принцип соборности означал церковное единство, а церковное пение при этом символизировало единодушие и единую волю всех участников богослужебного пения. Таким образом, традиции музыкального образования православной ориентации базировались на понимании певческого интонирования как процесса, тесно связанного с внутренним миром человека, его эмоциональной сферой и сферой его сознания, его личностными качествами. Примат духовного начала над рационально-техническим в процессе обучения певческим навыкам и исполнения богослужебного пения обеспечивал естественность вхождения певца в сам певческий процесс. Этому способствовала и сама система знаменной нотации, характер которой был не отделен от древнерусских психологических воззрений и морально-нравственных понятий.

Нововведения в отечественном музыкальном образовании XVII в., отмеченные процессом секу-

---

* Николаева Е.В. История музыкального образования: Древняя Русь: Конец X — середина XVII столетия: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003. С. 37.

** Мартынов В.И. История богослужебного пения: Учеб. пособие. Сергиев Посад, 1994. С. 100–101.

*** Герасимова-Персидская Н.А. Русская музыка XVII века — встреча двух эпох. М., 1994. С. 68.

ляризации духовной жизни, привели к новому пониманию музыкального искусства и его роли в жизни человека. В это время дальнейшее развитие получает певческая методология, происходят изменения в культурных ориентирах, усиливается идеологическое и художественно-эстетическое влияние западноевропейской культуры. Изменяются отношения в системе «человек—общество», происходит распад древней внеличностной «соборной» культу-

ры, обусловивший усиление индивидуально-личностного начала во всех сферах жизни, в том числе и в области музыкального образования. Вектор эволюции отечественного музыкального образования при этом был направлен на постепенное усиление роли музыкального начала при сохранении приоритета начала духовного, что свидетельствовало о сохранении основного ядра древнерусских традиций музыкального образования православной ориентации.

Traditions of Musical Education of the Russian Orthodoxy Orientation in the Context of Old Russian Psychological Views

V.V. Semikin

Ph.D. in Psychology, professor, Dean of the Faculty of Psychology and Education at the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

G.A. Praslova

Ph.D. in Pedagogy, associate professor at the Music Education Department, leading researcher at the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

---

The interrelation of esthetic and spiritual development of a person in the process of church singing mastering is under discussion in this article. Church singing is regarded as a «divine» by its origin and internal sense, as a «soul's forward movement towards good deeds». Church singing called for a person's attention to his/her internal world and to spiritual perfection. The inner interrelation of musical and spiritual bases in musical education on preservation of the spiritual basis priority is under discussion.

Keywords: Old Russian Orthodoxy tradition, music, spirituality, Russian Orthodoxy pedagogy.